

мые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ»⁸.

Из этой посылки следовал более общий социологический вывод: ограждая население от революционных эксцессов, правительство обязано «идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядок, зиждущийся на законности и разумно понятой истинной свободе». Эта стратегическая задача не могла «меняться в зависимости от злого умысла преступников: можно убить отдельное лицо, но нельзя убить идею, которую воодушевлено правительство»⁹.

В-четвёртых, по мнению Столыпина, манифестом 17 октября 1905 года в России был установлен «представительный строй», дарованный «самодержавным монархом» и, следовательно, обязательный для всех его верноподданных¹⁰. По мере дальнейшей эволюции политической системы «преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое»¹¹. Как видим, Пётр Аркадьевич вполне чётко указывал вектор переходного процесса — создание в России правового государства.

В-пятых, очень важно уяснить понимание самим Столыпиным природы и функций Российского государства, которое он рассматривал как монархическое, национальное (русское) и православное.

Обратим внимание на характеристику им двух типов государств: европейского, где конституционный режим уже давно стал историческим фактом, образом мысли и действия большинства, и российского, где «обновлённому» после манифеста 17 октября политическому строю ещё предстоит медленное «вживание» в традиционную национальную ткань. В первом случае, считал Пётр Аркадьевич, речь шла о государстве, «понимаемом как совокупность отдельных лиц, племён, народностей, соединённых одним общим законодательством, общей администрацией», которое, «как амальгама, блюдёт и охраняет существующее соотношение сил». Второй же тип представлял «государство как некую силу, союз, проводящий народные исторические начала. Такое государство, осуществляя народные заветы, обладает волей, имеет силу и власть принуждения, такое государство преклоняет права отдельных лиц, отдельных групп к правам целого».

«Таким целым я почитаю, — говорил Столыпин, — Россию»¹². Именно из этого исходил он, неоднократно утверждая, что государство является высшей ценностью, а его общее «благо» — высшим законом. Характерны также высказывания премьера

о том, что в ситуации, угрожающей распаду государства, власть обязана использовать и меры внеправового характера, чтобы сохранить единство страны¹³.

В программной речи 16 ноября 1907 года в III Думе Столыпин заявил, что «русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и верховная царская власть»¹⁴. Из данной посылки вытекало, что все изменения политического строя в России произошли именно «сверху», по инициативе и воле монарха, установившего «правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию»¹⁵. По своим исходным политическим представлениям премьер был последовательным сторонником монархического принципа, который, по его мнению, пронизывал и всю «обновлённую» политическую систему после издания манифеста 17 октября. Пётр Аркадьевич был убеждён в том, что, отстаивая принцип монархизма, он выражает широко понятое и осознанное большинством общенациональные интересы¹⁶.

В-шестых, «маховиком» всей государственной жизни страны должно было стать сильное правительство, назначаемое монархом и действующее под его непосредственным контролем. Внимания заслуживают критерии, на основе которых Столыпин подбирал правительственную

П. А. Столыпин разговаривает с хуторянами близ Москвы. Август 1910 г.

